

Ветер и искры

ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

Ветер и искры

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

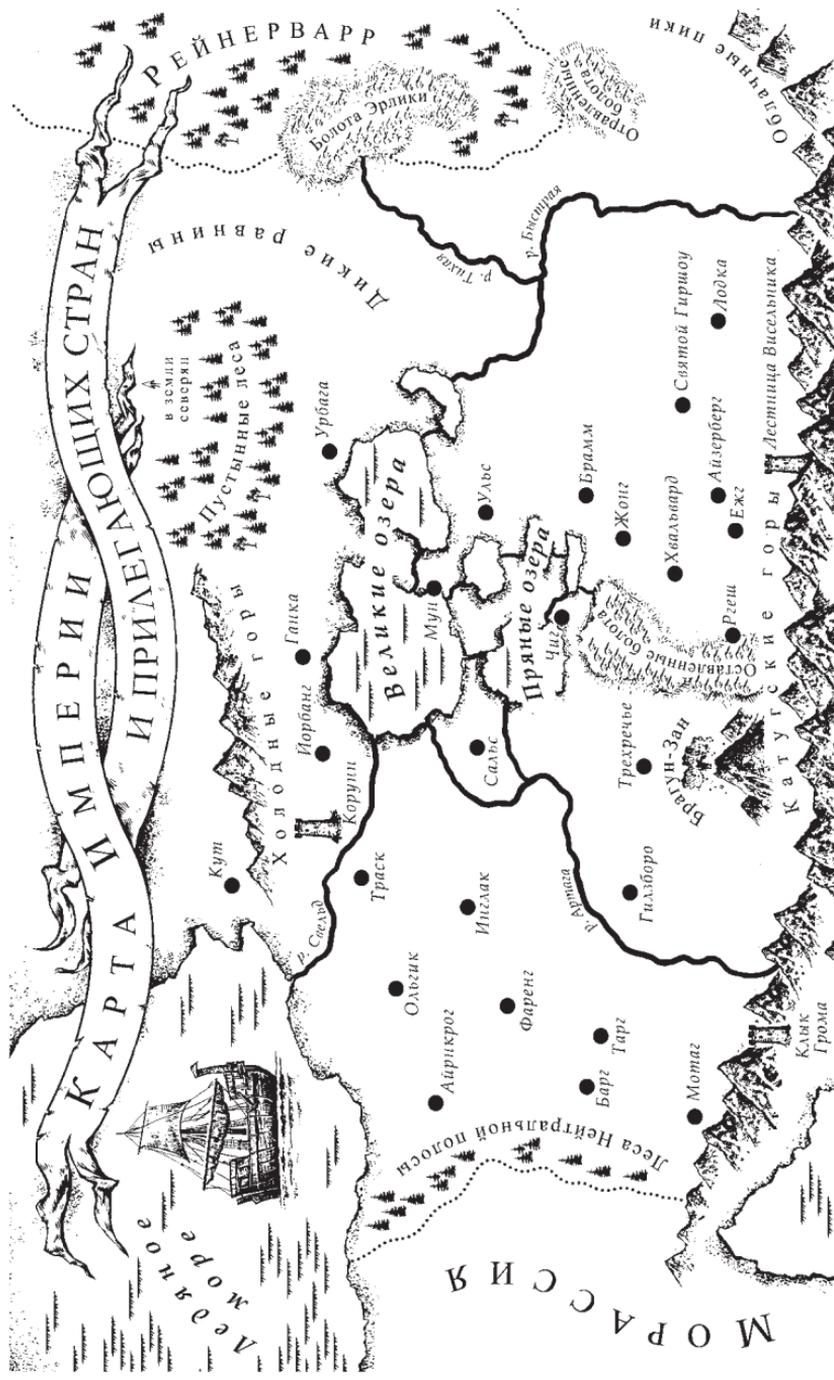

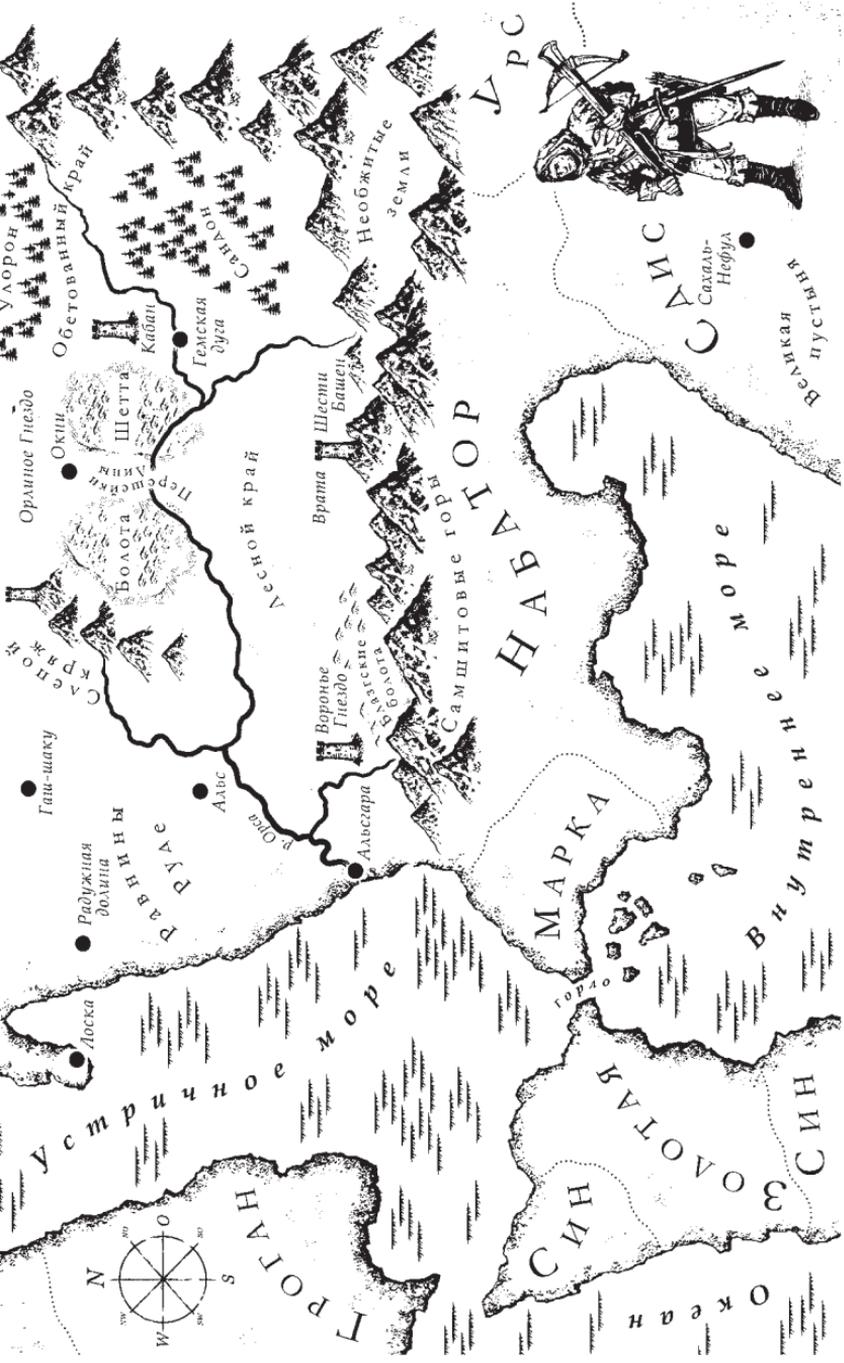
ИСКРА И ВЕТЕР

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

*НЕ ВСЕГДА УРАГАН ГАСИТ ИСКРЫ.
ИНОГДА ОН МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬ ИХ В
ПОЖАР.*

ГЛАВА 1

— Не холодно, красавица? — улыбнувшись, спросил широкоплечий жрец, и его низкий глухой голос эхом загулял по ущелью.

— Немного,— улыбнулась Альга, стараясь не дрожать уж слишком заметно.

Шубка, купленная в какой-то безымянной лавке по ту сторону Катугских гор, несмотря на свой жалкий вид и кажущуюся тонкость, оказалась на удивление теплой, чего нельзя сказать о сапожках и рукавицах. Пальцы стыли, и девушка очень жалела, что не знает плетений, дарующих тепло.

Брат Лерек посмотрел на спутницу из-под густых, светлых, словно выгоревших на солнце бровей, участливо вздохнул и натянул вожжи:

— Спаси тебя Мелот, дочь моя! Так и заболеть недолго!

Он начал рыться в телеге, перекладывая вещи. Альге пришлось подвинуться к краю, чтобы не быть задавленной ящиком, в котором что-то глухо стукнуло.

— Вот. Держи. Это поможет.— Жрец протянул ей свернутую в тугой валик ослиную шкуру.— В Лоска досталась даром. Думал выбросить, но Мелот остановил мою руку. Как видно — не зря. Укройся. Будет теплее.

— Спасибо.

— Пустяки.

Жрец грузно сел на место, взял вожжи, чмокнул губами:

— Н-но!

Телега вновь тяжело поползла по горному серпантину. Последние несколько наров у Альги все чаще возникало впечатление, что они стоят на одном месте. Путники были

в дороге с самого утра, но до сих пор так и не смогли достичь перевала.

Ташивший телегу серый в яблоках мерин еле плелся, ступая медленно и осторожно, часто останавливаясь, чтобы набраться сил.

Но в любом случае это было лучше, чем идти пешком.

— А что бы ты делала, если бы я не поехал? — глухо прогудел брат Лерек.

— Вернулась назад.

— Не уверен, — проворчал он. — Ты упрямая. Это сразу видно. Пошла бы дальше да замерзла где-нибудь.

— Не так уж и холодно.

— По тебе это очень заметно, дочь моя! — рассмеялся жрец. — Ну-ну. Не сердись. Я не хотел тебя обидеть. Просто знай, что пешком до перевала не дойти. Ночь будет холодной. Погода здесь совсем другая. Не как внизу.

Он был прав. На равнинах даже сейчас было сравнительно тепло и все еще шли затяжные дожди. А здесь... На глазах Альги осень превратилась в зиму всего лишь за несколько наров.

— Вы не знаете, как долго нам добираться до крепости?

— Как Мелот распорядится. До темноты не успеем. Наверное, только завтра.

— Тут есть где заночевать?

— Чуть дальше стоит трактир для путников. Будем надеяться, он открыт.

Девушка поплотнее завернулась в шкуру. Отвесные горы сжимали поднимающийся к Клыку Грома тракт в тесных объятиях. Серо-коричневые скалы со скудным кустарником, цепляющимся за склоны, оказались засыпаны свежим снегом и вызвали у Ходящей страшное уныние. Она не помнила более тоскливой и однообразной дороги за всю свою жизнь.

Во время подъема им не встретилось больше ни одного человека. Тракт оставался пустым. С севера к Лоска никто не ездил, а последние беженцы из долины прошли еще неделю назад. Остались лишь самые глупые, упрямые, считающие, что их не тронут. И те, кому нечего было терять.

Альга добралась до предгорий слишком поздно, чтобы уйти вместе со всеми. И ей в отличие от обычных людей,

которые в большинстве своем действительно совершенно не нужны набаторцам, было чего опасаться. Некроманты не оставляют в покое тех, в чьем сердце горит «искра».

— Откуда ты? С юга? — спросил ее спутник.

От матери-южанки Альга унаследовала прекрасную золотистую кожу и пушистые черные ресницы, поэтому многие думали, что родина девушки возле границ с Маркой.

— Нет, — улыбнулась она. — Я родилась в Корунне.

— А я из Альса.

— Далеко вы забрались.

— Не люблю Набатор. Через месяц южане будут здесь, а я не хочу встречать их в Лоска. Не страшишься путешествовать одна, красавица? Дороги сейчас опасны.

— Я не боюсь людей, — ровным голосом ответила Альга.

Это было правдой. После случившегося в Радужной долине она почти перестала бояться. Во всяком случае, Ходящая пыталась себя в этом убедить хотя бы днем.

— Очень зря. Люди иногда даже хуже мертвецов, что нападают на одиноких путников.

Ходящая вздрогнула, и продолжать разговор ей расхотелось.

Быстро стемнело, и мерин пошел еще медленнее. Было видно, что он страшно устал. В конце концов жрец спрыгнул на землю, взял его под уздцы и повел вперед, бормоча что-то утешительное. Девушка еще какое-то время посидела, затем неохотно выбралась из нагретого гнездышка.

— Перестань. Ты вешишь не больше пушинки!

— Ноги затекли, — солгала она.

Жрец хмыкнул, но больше не стал убеждать вернуться на насиженное место, решив, что она сделает это сама, как только устанет. Альга между тем создала плетение, восстанавливающее лошадиные силы, и нежными, чуткими пальцами коснулась бока животного. Эффект не заставил себя долго ждать.

— Смотри-ка! — ахнул жрец. — У старичка словно второе дыхание открылось! Верно, почувствовал жильё! Спасибо Мелоту!

Девушка улыбнулась про себя и забралась обратно в телегу.

Она немного жалела, что не может подарить такую же бодрость своему спутнику и себе.

Ночь спустилась на горы, не приведя за собой ни месяца, ни звезд. Жрецу и Альге пришлось целый нар ползти вверх в почти кромешной тьме. Когда очередной отрезок пути, повернувший под совершенно немислимым углом, был преодолен, они увидели впереди теплое сияние огня.

— Добрались,— обрадовался Лерек, и девушка через силу улыбнулась в ответ. Страшная усталость сжала ее в крепких, отнюдь не нежных объятиях. Она желала лишь одного — уснуть.

Дорога разошлась в стороны, превратилась в большую каменистую площадку. На ней в окружении нескольких сосен стоял большой дом с заснеженной крышей, три сарая, вместительной конюшней и скотным двором.

— Посиди здесь, красавица,— попросил жрец.— Пойду посмотрю, что там к чему.

Он вытащил из-под выюков сучковатую палку, очень похожую на самодельную дубинку, и поймал вопросительный взгляд Альги.

— Так. На всякий случай,— смущенно улыбнулся служитель Мелота.

Ходящая не стала задавать лишних вопросов, но быстро перебрала в уме доступные ей боевые плетения. Лерек тем временем заколотил в дверь, и, к его радости, она довольно быстро распахнулась. Открывший мужчина оказался помощником трактирщика, пригласил войти, кликнул служанку и, пообещав позаботиться о мерине, набросив на плечи тулуп, вышел в ночь.

Трактир оказался большим, чистым, светлым. Возможно, такое впечатление создавалось из-за сосновой, отливающей янтарем древесины, а быть может, потому, что не было посетителей.

Заспанная служанка усадила путников поближе к камину, принесла горячего шафа. Альга отказалась и попросила теплого молока.

— С клиентами, видно, совсем туго, раз они столь проворны,— отметил жрец, осторожно отхлебнув напитка.—

Никогда не видел здесь такой пустоты. Обычно свободно-го места днем с огнем не сыскать, не говоря уже о вечере.

Девушка без раздражения слушала его бесконечную болтовню, истории и воспоминания о прошлых путешествиях, пила молоко и старалась не заснуть. Со двора вернулся помощник трактирщика, сказал, что все сделано. Сам хозяин заведения, тощий, суетливый, но довольный или, во всяком случае, желавший таким казаться, принес гостям по тарелке гречневой каши с утиным мясом, масла, сметаны и кислой моченой ягоды, названия которой ученица Галир не знала.

Трактирщик узнал жреца, душевно с ним поздоровался, лишь мельком посмотрев на его спутницу. Благодаря обычной одежде никто не узнавал в Альге Ходящую, что ее полностью устраивало. Она очень быстро сообразила — оставаться собой слишком опасно. Пускай набаторцы не так близко, но их шпионы повсюду. К тому же среди простого народа было много недовольных тем, как складывается война. В неудачах они винили носителей «искр», и встреча с такими людьми не могла привести ни к чему хорошему.

— Уже три недели почти никого... — рассказывал жрецу хозяин заведения. — Случайные путники вроде вас — не в счет. Выручки нет. Больше себе в убыток. Да и мало кто останавливается. Все спешат к крепости, укрыться за стенами.

— Ворота не заперты?

— Неделю назад еще были открыты. А теперь кто его знает, брат Лерек.

— Сам-то не собираешься уходить?

— А на кого я все это оставляю? — Хозяин тоскливо обвел рукой таверну. — Слишком много сил вложено, чтобы бросать на растерзание воронью.

— Набаторцев не опасаться?

— Нет. Есть и спать всем надо. Думаю, меня не тронут. Хотя и противно мне их будет кормить. Распугали всех клиентов.

Альга неодобрительно нахмурилась. Она не любила людей, которые и нашим готовы услужить, и ваших спать уложить. Но ничего не сказала, лишь сильнее уткнулась

носом в тарелку, почувствовав на себе взгляд жреца. Тот, казалось, читал ее мысли.

— Тогда тебе стоит опасаться не южан, а северян. Вернутся наши солдаты — могут и вздернуть за то, что чужакам помогаешь. Быть может, в равнинах на тебя и не обратили бы внимания, но не здесь. Крепость слишком близко. Уходил бы ты лучше. Мелот говорит — негоже держаться за добро, когда оно не приносит тебе ни счастья, ни искупления.

— Мелот, прости меня, далеко. А добро близко. Вот оно. Так что я никуда не пойду. Да и набаторцев, возможно, здесь не будет. Слышал ведь — их интересуется Лестница на востоке, а не Клык на западе. До нас, может, не доберутся. Пойду посмотрю, что там с вашими комнатами.

— Больше постояльцев нет?

— Один путник. Гонец. Уже спит.

Он ушел, Альга доела кашу, выслушала молитву Лерека и встала из-за стола.

— Спокойной ночи, красавица,— попрощался с ней жрец.— Постарайся выспаться. Завтра надо отправиться пораньше.

Служанка проводила девушку в комнату на втором этаже. Здесь было тепло и очень уютно — в очаге горело пламя, на большой кровати лежала целая гора толстых одеял. Кто-то успел нагреть воды, за что Ходящая была безмерно благодарна. Заперев дверь, она с наслаждением вымылась, забралась под теплые одеяла и, высунув из-под них только нос, свернулась клубочком. Несмотря на страшную усталость, неприятную тяжесть в голове и пульсирующую в мышцах тупую боль, ученица Галир никак не могла заснуть. Она ворочалась с боку на бок, смотрела на тускнеющее в очаге пламя, следила за его отблесками на стенах, видела, как оживают тени. В какой-то момент со вздохом села на кровати, потом спрыгнула на пол и подкинула в огонь еще несколько поленьев, положив их друг на друга.

Девушка не была готова признаться даже самой себе, что страшится снов. Некоторые из них были незваными гостями, которых оказалось не так-то просто прогнать. В грезах она вновь оказывалась в Радужной долине в тот самый день, когда там появились некроманты.

Ноздри щекотал запах гари, крови и предгрозового воздуха. Ученица Галир слышала крики друзей, таких же перепуганных и бледных, как она сама. Видела людей в белых мантиях, бегущих по пустым запыленным коридорам. Ее Дар чувствовал, как колдуны касаются темной «искры», и это причиняло сильную физическую боль, словно кто-то проводил по костям Альги грубым наждаком.

Каждый раз она слышала голос полной старухи, выискивающей ее цепким взглядом среди заваленной ящиками комнаты:

— Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра.

Каждый раз молодой Ходящей приходилось, сцепив зубы, сражаться с отчаянием обреченной кошки. И в каждом сне ей надо было победить женщину с посохом некроманта новым способом, потому что старый больше не действовал.

Альга убивала колдунью раз за разом. Перепробовав десятки вариантов плетений и отвергнув сотни. Порой девушке казалось, что в этих снах она тренируется гораздо больше, чем за все время обучения под началом Старшей наставницы Радужной долины. Попавший в ловушку кошмара мозг создавал безумные плетения, все время совершенствуя их. И, просыпаясь, Альга лишь ошеломленно хлопала глазами.

Большинство из придуманного никогда бы не сработало в реальной жизни или же полностью выжгло ее «искру» — столь мощными были эти плетения. Девушке, всего лишь несколько месяцев назад окончившей школу и ставшей полноправной Ходящей, пока еще не хватало опыта. Некоторые из созданных ею узоров могла воссоздать, возможно, лишь Цейра Асани и ее самые опытные приближенные.

Порой Альге снилось детство, дом в Корунне, отец с матерью, старшая сестра. Все было как прежде — до того, как она попала в Долину. Вот только ее любимый персиковый сад отчего-то оказывался вырублен, а на месте вишневых деревьев росли бесконечно старые каштаны с льдисто-огненными листьями. Девушка не могла отследить тот момент, когда вновь оказывалась в бесконечных

коридорах, чувствовала, как от ударов содрогается пол, и слышала за спиной голос с приятным восточным акцентом:

— Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра...

Часто, просыпаясь, Ходящая думала о Даге и Мите. Удалось ли им спастись? Она ничего не знала об их судьбе и лишь надеялась, что друзья смогли уцелеть. Два дня Альга пряталась на окраине города, возле лесопилки, где они договорились встретиться, еще когда их вел Рельт. Но никто так и не пришел.

О госпоже Галир девушка старалась не думать. Ходящая сердцем чувствовала, что учительница погибла.

Больше не в силах ждать друзей, Альга покинула Долину и направилась на запад, к Лоска. Дорога заняла много времени, и ее нельзя было назвать легкой. Когда девушка добралась до города, то узнала, что все Ходящие ушли за Клык Грома. Башня оставила проигранный юг, решив сражаться за север.

Остаться в Лоска было слишком опасно. Слухи ходили самые разные, в том числе и о том, что несколько полков набаторцев движутся к Устричному морю, чтобы захватить последний южный порт Империи. Альга знала, что болтовне нельзя верить, но не желала рисковать и, покинув город, направилась к горам.

Ходящая не теряла надежды догнать своих.

— Завтра все закончится,— сонно прошептала она.— Завтра я буду не одна.

Через несколько ун она спала, и ей снились пустынные коридоры Радужной долины.

ГЛАВА 2

Деликатный стук в дверь разбудил Альгу, и несколько ун ученица Галир не могла понять, где находится.

— Госпожа! — позвала служанка.— Брат Лерек велел вас разбудить. Завтрак уже готов.

— Я не сплю! — ответила та.— Сейчас спущусь!

Быстро одеваясь, девушка гадала, почему сложное плетение, в которое она так бережно и ловко вплавил

воздушные нити, не смогло убить сдису на этот раз. Ведь были соблюдены все каноны школы и допущена лишь одна вольность, которая ни в какой мере не должна была повлиять на результат. Но она повлияла. И Альга проиграла.

Уже покинув комнату и спускаясь по лестнице, девушка продолжала размышлять над задачкой, чувствуя себя немного глупо. Возможно, ей не стоило так много думать о снах. От этого все равно нет никакого толку, одни переживания.

Лампы в зале все еще горели — бледный рассвет за окном пока не давал достаточно света. За столом кроме Лерека спиной к Альге сидел незнакомец в потрепанном временим плаще гонца с эмблемой в виде сапога и облака.

— Доброе утро, красавица, — поприветствовал девушку жрец. — Садись скорее, еда остывает. Это мастер Матен.

Гонец оказался высоким, статным, улыбчивым молодым человеком. Он счел нужным встать из-за стола и поклониться.

— Очень рад, госпожа...

В его словах звучал вопрос, и девушка ответила:

— Альга.

И тут же увидела, как поднялись светлые брови Лерека. Ей понадобилась уна, чтобы понять, что ему она назвала иное имя. К счастью, жрец промолчал, а Ходящая, сгорая от стыда, обругала себя за излишне болтливый язык. Она еще толком не проснулась, и вот результат — выдала свое имя первому встречному!

Стараясь справиться с неловкостью, девушка налила себе молока, слушая, как молодой гонец рассказывает последние новости:

— Я из Лоска, так что знаю не так много. На юг из наших никто не едет, а те немногие, кто возвращается оттуда, говорят, что все города и деревни в руках набаторцев. Держатся лишь Альсгара да Гаш-шаку, но к ним не пробиться. В лесах полно крестьян. Многие пытаются сопротивляться и бьют южан, но силы неравны.

— Вы направляетесь в Корунн? — поинтересовалась Альга.

— Совершенно верно, госпожа, — улыбнулся Матен.— А вы?

— Она путешествует со мной,— сказал Лерек, прежде чем девушка успела открыть рот.— Отец Альги попросил сопроводить ее до дома тетушки.

— Очень разумная предосторожность,— одобрил гонец, вставая из-за стола.— Тракты нынче недружелюбны к одиночкам. Удачной вам дороги. Возможно, я вас еще нагоню.

— Я думал, вы отправляетесь немедленно,— удивился жрец.

— Нет! — рассмеялся Матен.— Я неправильно выразился. Прежде чем двигаться дальше, мне следует дождаться посыльного с письмом. Он опаздывает.

Попрощавшись, молодой человек поднялся наверх, и Альга негромко спросила у жреца:

— Зачем надо было врать?

Он улыбнулся и щелкнул пальцами:

— опередила, красавица. Я хотел спросить то же самое.

Брат Лерек наклонился к ней через стол, дружелюбно улыбнулся и тихо сказал:

— Давай поговорим об этом в пути.

Ходящая с сожалением расставалась с уютной таверной, ей до слез не хотелось продолжать путешествие. Было бы здорово остаться здесь на неделю и хорошенько отоспаться, вместо того чтобы мерзнуть в телеге и бороться с усталостью.

Когда таверна скрылась за поворотом, дорога вновь сузилась и крутым серпантинном начала забираться наверх, к снежным пикам, ярко выделяющимся на фоне чистого неба.

— Нам туда? — после недолгих колебаний спросила Альга.

— Что? — не понял задумавшийся Лерек, затем проследил за ее взглядом.— А-а-а... Нет, красавица. Такая высота нам ни к чему.

— Разве это не Клык Грома?

— Мелот не настолько жесток, чтобы заставлять нас забираться выше неба. Клык во-о-он за теми склонами. Скоро увидишь. Так как тебя на самом деле зовут?

— Альга,— неохотно ответила девушка.

— Очень приятно, красавица. — В его голосе не слышалось ни обиды, ни издевки. — Прячешься от кого-то?

— Нет, — солгала она. — Не прячусь и не бегу.

— Ну тебе виднее, — пожал плечами жрец. — Я направляюсь в Корунн. Если ты туда же, то можем продолжить путь вместе.

— Спасибо, — поблагодарила Ходящая, — но я еще не знаю, куда мне надо.

— Помолись Мелоту, дочь моя. Возможно, он укажет тебе путь. — И вновь в голосе Лерека не было насмешки. Он говорил совершенно серьезно и с искренней заботой. — Не знать своей цели в такие времена — слишком самонадеянно.

Она знала. Следует найти кого-нибудь из Ходящих, рассказать о том, что случилось в Радужной долине, а дальше будет так, как решат старшие.

— Что ты делала на юге?

— Училась. — Ее не раздражали и не тревожили вопросы жреца.

— Грамоте?

— Да. Отец отправил. — И это тоже не было ложью.

— И что? Читать, писать и считать умеешь?! — изумился он.

— Умею.

Лерек посмотрел на нее с уважением:

— Книгу Созидания читала, красавица?

— Конечно. — Альга сдержала улыбку.

— Хорошо. Не все девушки в наше время думают, что им надо уметь читать. Я рад, что ты не из таких. Твои стремления к знаниям достойны уважения, а твой отец умный человек, раз понимает это.

Она не стала говорить, что родители умерли, еще когда она училась на второй ступени, и из родных у нее осталась лишь старшая сестра, о судьбе которой она теперь ничего не знает. На душе тут же сделалось тягостно, и Ходящая, спрятав руки в карманы шубки, принялась следить за дорогой.

На склонах появились запорошенные снегом вековые ели. Многие из них были просто огромными, и Альге при виде их лохматых, колючих лап становилось как будто теплее. Девушка любила эти деревья больше всех других и

с самого детства была уверена, что они даже в самые лютые холода будут добры к ней и никогда не дадут в обиду. Глупые сказки, услышанные в детстве, оказалось не так-то просто выбросить из головы.

Мерин шел ходко, славно отдохнув за ночь. Поднявшись еще ярдов на четыреста, спутники увидели, как из-за лесистого склона показался острый краешек скалы. Минок через двадцать дорожка сделала очередной поворот, и Клык Грома открылся перед Альгой во всей своей красе.

Пик был приметным, хоть и не столь высоким, как остальные. Без снега. И внешне напоминал волчий клык. Скала оказалась темной как ночь, словно в вершину ударили сотни молний и камень обуглился.

— Крепость прямо под зубом,— пояснил Лерек.— Ты приехала на юг через Лестницу?

— Нет. Но я была слишком маленькой и почти ничего не помню... Нас кто-то догоняет.

С края склона открывался завораживающий вид на дорожку, которая змейкой поднималась вверх. На третьей от них петле Альга рассмотрела двух всадников. Жрец приподнялся, глянул вниз:

— Скоро нагонят.

— Я так и не спросила у вас, почему вы солгали обо мне.

Жрец нехотя пожал могучими плечами:

— По той же самой причине, что ты не хотела называть свое имя. Обычная осторожность. Хотя, кажется, человек он неплохой. Но всякое случается. Не стоит все выкладывать первому же встречному. Неизвестно, как он использует твои слова. В добро или во зло.

— Что же? Всех людей считать плохими? Разве Мелот этому учит?

— Мелот учит не быть наивными, красавица. Человек может быть хорошим, но, к сожалению, не слишком дальновидным. Порой сказанные слова, которым он не придаст значения, могут попасть в уши к дурным людям и быть использованы против тебя. В жизни все бывает. А гонцы... ты же должна знать. Они как сороки. Разносят новости и сплетни на своих хвостах. Попробуй успеешь остановить.

Дорога скользнула под двумя каменными арками, созданными самой природой, и прижалась к стене, на которой находилась сторожевая башня. Альга задрала голову и увидела в бойницах какое-то движение.

— Там есть люди?

— Конечно. Это дозорный пункт Клыка Грома. С него тракт просматривается почти на две лиги. При хорошей погоде, разумеется. Так что нас с тобой заметили еще нар назад, если не раньше. Удобное место, сохрани его Мелот.

Альга, услышав совсем близко стук копыт, обернулась. Их нагнали всадники.

— Я же говорил, мы еще встретимся! — приветливо улыбнулся мастер Матен, придерживая горячую лошадь. — Чудесная погода для путешествия!

Его спутник оказался чуть старше гонца. Симпатичное лицо портил широкий шрам на нижней губе. Мужчина посмотрел на девушку — светло-голубые глаза остались холодны, но кивнул он приветливо и почти тут же напомнил мастеру Матену о спешном деле.

Всадники поскакали вперед и быстро скрылись за очередным поворотом.

Мерину потребовался еще нар, прежде чем он вывез телегу на прямую дорогу. Впереди во всей красе показался черный Клык Грома в обрамлении ослепительно-снежной короны пиков.

Деревья остались внизу, уступив место каменистым склонам. Несмотря на скорую зиму, распогодилось, и солнечные лучи грели так, что Альга совсем не мерзла. Жрец мурлыкал под нос какую-то незнакомую песню. Он, как и Ходящая, был рад, что вот-вот окажется за стенами оплота северян, подальше от набаторцев.

Сама цитадель, как и многие творения Скульптора, расположенные в горах, была впавлена в камень и представляла с ним единое целое. Такая же угольно-черная, грозная и неприступная.

Альга различила три кольца стен, каждое ярдов на пятьдесят выше предыдущего, и множество сторожевых башен. Одна из них, с острым шпилем, сразу же напомнила ей постройки в Радужной долине.

Начались узкие каменные мосты с арочными пролетами и грубыми колоннами, уходящими вниз порой на десятки ярдов. Альга насчитала четыре ущелья, протянувшихся перпендикулярно тракту, которые им пришлось миновать. Внизу бесновались белопенные реки, каскадами срывающиеся с базальтовых утесов. Их гул смахивал на гудение рассерженных шершней.

Крепость выросла в размерах, закрыла собой четверть неба, угрожающе нависла над путниками темной глыбой. Сторожевые башни, казалось, шагнули вперед, и их бойницы пристально изучали чужаков.

Последний мост был подъемным. Под ним зияла пропасть, наполненная острыми гранитными зубьями. Низкие ворота больше походили на какой-то лаз. Не слишком удобно для путников, зато очень надежно при обороне.

Солдаты, стоявшие возле моста, встретили их неприветливо. Не задали никаких вопросов, но были хмуры, встревожены и проводили настороженными, цепкими взглядами.

Въехав во внутренний двор — маленький, тесный и голый, — жрец натянул повод и тихо присвистнул. Альга охнула. Возле стены лежало истыканное арбалетными болтами, окровавленное тело гонца.

— Знакомый? — тут же спросил один из воинов. Судя по нашивкам — старший.

— Видели в дороге, — ровно ответил брат Лерек, стараясь не делать резких движений.

На стенах появились стрелки.

— Что случилось? Почему он убит?! — Альга, не обращая внимания на арбалетчиков, смело прыгнула с телеги.

Командир стражников дернул бровью, услышав в голосе незнакомки гневные и повелительные нотки, но не посчитал нужным что-либо скрывать:

— Шпион Набатора... — и добавил после недолгого раздумья: — Госпожа.

— Отчего такая уверенность?

— Кто вы, чтобы задавать такие вопросы? — нахмурился солдат.

— Одна из тех, что несет свет «искры» в наш мир, — раздался сверху женский голос.

Девушка резко вскинула голову и увидела говорившую в окне второго этажа. На нее смотрела Тирра. Ходящая.

— Рада видеть тебя живой, Альга.

— И я ва... тебя, Тирра.

Она иногда забывала, что больше не ученица.

— Жрец приехал с тобой?

— Да. Я за него ручаюсь.

— Капрал! Негоже держать Ходящую на пороге.

Солдат, красный от волнения, поклонился и приказал поднять решетку:

— Простите, госпожа. Я не знал, с кем говорю.

— Похоже, я тоже, — пробормотал себе под нос брат Лерек, впрочем не выглядящий изумленным.

Прежде чем пройти мимо, Альга спросила:

— С гонцом был еще один мужчина. Где он?

Воины удивленно переглянулись:

— Он был один, госпожа.

— Вы уверены?!

— Да.

Она с изумлением посмотрела на жреца и по его виду убедилась, что спутник Матена ей не приснился.

— В последнее время слишком многие прикрываются гербом сапога и облака. Ведь гонцам всегда открыты дороги и таверны. Да и стража к ним благоволит. Некоторые этим пользуются. — Тирра отхлебнула горячего шафа и осторожно пристроила чашку на край стола. — У этого даже одежда была настоящей, а не подделкой. Видно, что работа гильдии.

Альга держала свою чашку в руках, грея ладони.

Тирра была на тридцать лет младше, чем Старшая наставница Долины — Галир, но слыла ее самой близкой подругой. Высокая, долговязая, с редкими волосами и глубокими морщинами возле рта, она напоминала старое высохшее дерево, хотя год назад ей исполнилось всего сорок.

— Этот шпион — уже третий за месяц. И я уверена, что они не успокоятся.

— Как вы их узнаете?

— Всего лишь опыт. Ты научишься. Со временем.

Шила, вторая Ходящая Клыка Грома, перестала стучать спицами и подняла на собеседниц светлые глаза. На ее бледном лице, несмотря на то что лето давно закончилось, а солнце перестало быть щедрым, ярко горели крупные конопушки. Миловидная женщина была старше Альги на восемь лет.

Девушка невзлюбила Шилу еще со школы. Какое-то время та преподавала теорию плетений и была слишком требовательна к знаниям учеников. По природе вспыльчивая и упрямая, Альга на дух не переносила эту невысокую зануду, и то и дело они сталкивались лбами. Ученица не желала уступать глупым, как ей казалось, прихотям воспитательницы. И в итоге хорошо потрепала себе нервы и намучилась, сдавая экзамен во время перехода на следующую ступень.

Вся школа вздохнула с облегчением, когда конопатая Ходящая оставила свою должность и уехала на север.

— Мы едва его не упустили,— сказала Шила.— Но он занервничал и попытался убить стражника, который слишком придирчиво выполнял свои обязанности.

Альга вспомнила дружелюбную улыбку гонца и почувствовала внезапную злость:

— Он казался неплохим человеком. Жаль, что я в нем ошиблась.

— Мы все носим маски.— Женщина вновь занялась вязанием.— Тебя никто не винит.

— А сколько их прошло мимо нас, и мы об этом не узнали,— вздохнула Тирра.— По счастью, теперь, когда поток беженцев иссяк, стало гораздо проще. Но мне не нравится, что спутник этого человека пропал. Чую — быть беде.

— Не согласна.— Шила придирчиво изучила петли.— Возможно, пропавший просто оказался умнее и повернул назад.

— Мы не встретили его,— возразила Альга.

— Это ничего не доказывает. Думаю, он не хотел, чтобы его видели. У дороги много камней, за которыми можно спрятаться. Незнакомец, не решившись войти в нашу цитадель, сохранил жизнь. Его более напористый приятель — отправился в Бездну.

— А что, если у него был Дар... Тогда он мог стать незаметным на какое-то время,— задумчиво произнесла Тирра, и обе женщины вопросительно посмотрели на девушку.

— Нет,— без всяких сомнений отмела эту догадку Альга.— У него не было темной «искры». Я бы почувствовала.

— Значит, нам нечего опасаться,— улыбнулась Тирра.

— Я, пожалуй, все же проверю ворота. На всякий случай,— сказала Шила, откладывая пряжу.— И предупрежу капитана крепости. Береженого Мелот хранит.

Ученица Галир мгновенно ощутила волну раздражения, но постаралась остаться спокойной. На этот раз зануда Шила права. Лучше проявить осмотрительность, чем расплачиваться за ошибки, которых легко можно избежать.

Прежде чем уйти, Альга еще минок двадцать говорила с Тиррой о Галир. Ходящая сожалела о гибели подруги, но несколько не удивлялась тому, что произошло:

— Она знала, на что шла. Поэтому и осталась. Печально, что ей не удалось убедить уйти тех, кто был с ней. Я не слишком любила Алию Макси, у нас были... трения, еще когда мы учились. Но потеря ее «искры» — так не ко времени! Впрочем, как и утрата Гиланы, Луий и Ильмы.

— Что-нибудь известно об Альсгаре?

— Осада продолжается.

— А Совет?

— Противостоит некромантам. Если я не ошибаюсь в Цейре Асани, то весной, как только в море утихнут шторма, наши сестры попытаются добраться кораблем до Лоска. А если город будет взят, то через Морассию, в Корунн.

— Но ведь тогда Альсгара останется на произвол судьбы!

— Если за защиту города придется заплатить потерей страны, город отправляется в Бездну,— жестко сказала Тирра, и ее брови сошлись у переносицы.— Можно пожертвовать даже десятью Альсгарами, если это поможет нам выиграть войну. Зимой воевать тяжело, набаторцы обязательно застрянут у Лестницы. У нас есть время подготовиться, хотя его и не так много. Главное сражение будет за Корунн. И, надеюсь, нам поможет Мелот и Колос

Скульптора. Если только не случится ничего непредвиденного.

Она нахмурилась еще сильнее, и ее губы сжались в тонкую линию.

Попрошавшись, Альга вышла, плотно закрыв за собой дверь. Добралась до лестницы, прорубленной в толще скалы, оказалась в коридоре с ровно горящими факелами и здесь столкнулась с одним из слуг.

Тот с достоинством поклонился и произнес:

— Госпожа, вы просили сообщить, когда ваш спутник соберется в дорогу.

— Хорошо. Ступай.

Пройдя этаж, Альга вышла в галерею второго яруса, опоясывающую большой внутренний двор. Здесь ее окликнули, и, обернувшись, она увидела, что к ней спешит невысокий молодой человек. Черноглазый, черноволосый, со смешной челкой, падающей на брови. Правильное, красивое лицо с волевыми губами и аристократическим носом портил лишь заросший неопрятной щетиной подбородок.

— Не верю своим глазам! Райл! — обрадовалась она. — Какими судьбами?! Я думала, ты в Альсгаре!

— Уже год как нет, — улыбнулся Огонек, обняв и тут же отпустив ее. Он был старше девушки на два года, но это не помешало им водить дружбу еще в Радужной долине. — Год назад меня отправили на север вместе с Тиррой. Теперь торчу здесь. Очень рад тебя видеть!

— Как ты узнал, что я здесь?

— Встретил Шилу. — Он скривился прямо как в Школе, когда говорил о ней. — Послушай, мне ужасно жаль, что это произошло с Митой и Дагом...

— Постой! Рано их хоронить. Я-то ведь смогла выбраться.

— Ты — особенная, — снова заулыбался Райл, подходя ближе. — Ты им не по зубам.

— Твоя лесть всегда была груба. — Альга, вопреки своему желанию, тоже улыбнулась, легко толкнув его в грудь ладонями и показывая тем самым границу, за которую он не должен заходить. — Я спешу. Давай поговорим чуть позже. Хорошо?

— Конечно! — кивнул Огонек. — Я найду тебя.

— Не сомневаюсь,— сказала девушка и поспешила вниз, совершенно забыв о приличиях и прыгая через несколько ступенек. Она на ходу накрутила на шею шарф, торопливо застегнула шубку и уже спустя две минки оказалась во внутреннем дворе.

— Как пройти к северным воротам? — спросила Альга у одного из солдат.

— Если спешите, то вот через эту калитку, госпожа. Я, с вашего позволения, покажу.

— Спасибо!

Жрец уже собирался уезжать, но, заметив девушку, слез с телеги.

— Я уж думал, что не попросаемся, кра... госпожа,— поправился он.— Рад, что вы смогли добраться до безопасного места.

— Вы ведь не очень удивились, когда узнали, кто я, брат Лерек.

— Верно,— не стал отрицать он.— Я знал, с кем имею дело, как только встретил вас на дороге.

— Но... как вы догадались? — изумилась она.

Жрец щелкнул пальцами:

— Это тяжело объяснить. Приходит с возрастом, наверное. Я имел дела с Башней и научился отмечать женщин с Даром. У вас другой взгляд. В нем чувствуется «искра». Да и осанка слишком горделивая. Мой вам совет, госпожа. Если хотите, чтобы никто не знал, кто вы,— меняйтесь. Иначе опытный человек легко догадается о том, что вы желаете скрыть. И не всегда он будет настроен к вам по-доброму.

— Спасибо. Я запомню. Но почему вы так быстро нас покидаете? Скоро ночь.

— Не страшно. Через два нара я буду в городе. Мне, если честно, не нравится это место. Я бы вам не советовал задерживаться здесь надолго.

— Есть причины для беспокойства?

— В том то и дело, что нет,— нахмурился жрец.— Просто хочется отсюда уехать. Глупое предчувствие, и только.

Он неловко улыбнулся, а у Альги по спине пробежала череда ледяных мурашек, и на несколько мгновений Клык Грома перестал казаться надежным и безопасным.

— Извините, что напугал вас. Не хотел.

— Все в порядке.— Она уже справилась с собой, в который раз удивляясь, как этот кажущийся простоватым человек легко ее «читает».— Я хочу еще раз сказать вам спасибо за помощь. Без вас я бы пропала.

— Берегите себя, госпожа, и будьте осторожны. Времена сейчас суровые. Надеюсь, мы еще встретимся. Прощайте!

Мерин фыркнул, потянув за собой телегу.

Брат Лерек давно уехал, а Ходящая продолжала стоять на холоде и смотреть на пустую, заносимую снегом дорогу.

Альга резко села на постели, прижав руки к шее. Сердце колотилось как сумасшедшее и едва не выпрыгивало из груди. Ночная рубашка намочила от пота, а пальцы дрожали.

На сей раз ей удалось убить гадину, пусть для этого и пришлось рассчитать многоходовую игру, где одно плетение заставляло срабатывать следующее, порой троясь и на ходу выпуская обманки и пустышки. В итоге у нее получилось отвлечь Белую, смять защиту и победить.

Когда диска упала, Альга с победным криком выскочила из-за ящиков, но тут почувствовала, что кто-то еще пробудил темный Дар, и в страхе, что сражение не закончено, проснулась.

— Получилось, забери меня Бездна! — прошептала она.— Получилось!

Горло пересохло. Очень хотелось пить. Ходящая взяла стоящий на ночном столике графин и слегка трясущейся рукой налила себе воды. Выпила залпом. Затем слезла с кровати, босиком подошла к окну, посмотрела на небо и поняла, что едва минула середина ночи.

Внезапно пальцы обожгло огнем, а кости свело от ноющей боли. Испуганно охнув, девушка бросилась одеваться. Кто-то только что воспользовался темной и светлой «искрой».

Натянув юбку и накинув шаль, Альга выскочила в коридор и, безошибочно определив направление, поспешила к верхним покоям. Коридоры были неприятно темными, она бежала по ним с гулко стучащим сердцем, вздрагивая от каждой тени и любого подозрительного

шороха. Ходящая больше не чувствовала, чтобы касались Дара, и это пугало ее сильнее, чем если бы сражение продолжалось.

Альга едва сдержалась, чтобы не ударить плетением в двух солдат, появившихся из-за угла и мирно беседующих друг с другом. Усилием воли пригасила «искру» и крикнула им, ошеломленным тем, что удалось увидеть госпожу в столь растрепанном и неподобающем ее положению виде:

— Поднимайте тревогу! В крепости некромант!

Оба ничего не спросили и бросились вниз, гремя по лестнице сапогами. Альга побежала в противоположную сторону и увидела Шилу, такую же всклоченную, едва одетую и босую, как и она сама.

Быстро посмотрев друг на друга, они одновременно выдохнули:

— Тирра!

И бросились к покоям старшей Ходящей.

Дверь была закрыта, Альга повернула ручку, рванула на себя, и ее спутница тут же швырнула внутрь «Ошеломляющее ослепление», которое должно было надолго парализовать всех, кто находился в комнате. Когда шипение и треск стихли, женщины смело вошли в помещение, удерживая на пальцах боевые плетения.

— Свет,— тихо бросила Шила, осторожно двигаясь вдоль книжного шкафа к разбитому окну, и Альга сдула с ладони ярких серебристых светлячков, которые веселой стайкой закружились под потолком.

Во дворе раздался рев рога. Через несколько ун его басовитый голос потонул в колокольном бое. Но носительницы Дара не надеялись на поднятую тревогу. Солдаты в бою с некромантом не помощники.

Тирра лежала рядом со столом. Ее голова была повернута под неестественным углом, словно женщина решила посмотреть, что находится у нее за спиной. Альга почувствовала, как в животе разбилась ледяная глыба, теперь остужающая ее изнутри. Девушка вспомнила колдунью из своих снов и едва не умерла от страха. Ужас липкими пальцами сжал голову, вынуждая застыть, спутывая мысли, и лишь величайшим усилением воли юная Ходящая смогла убедить себя, что здесь нет не только ее личного кошмара,

но и никакого другого некроманта. Иначе бы они уже обнаружили его парализованное тело на полу.

— Убита голыми руками.— Шила склонилась над Тиррой.— Белый где-то недалеко.

— Ушел по коридору? Тогда не мимо нас, а в другую сторону. На самый верх башни.

— Возможно,— задумчиво сказала Шила, все еще продолжая смотреть на мертвую.— Странные отпечатки. Это не человеческие руки.

Альга краем глаза заметила быстрое движение возле окна, развернулась и не мешкая ударила. Но кто бы это ни был, он оказался слишком быстр, и плетение прошло мимо. Единственное, чего добилась Ходящая,— тот, кто хотел броситься на нее, изменил направление и упал сверху на Шилу.

Больше всего это существо напоминало сгусток горячего воздуха. Но как только он обволок жертву, то сгустился и стал человеком.

Враг стоял перед Альгой, держа пленницу перед собой, словно живой щит. Он во всем был человеком, и лишь пальцы на руках больше всего походили на птичьи лапы, заканчивающиеся страшными когтями, которые без труда могли разорвать незащищенную шею заложницы.

Ученица Галир не знала, кто или что перед ней, но бить не спешила, чувствуя, как вспыхнула темная «искра», как Шилу отрезают от Дара и как вокруг пленницы и убийцы разворачивается бледный щит.

Ходящая не могла понять, как раньше она не почувствовала в этом мужчине тьму. Перед ней стоял давешний спутник лжегонца. Господин со шрамом на нижней губе. Он холодно улыбнулся Альге и сказал красивым, спокойным голосом:

— Не делай глупостей, девочка, и все останутся живы.

Страшные когти коснулись кожи, и его жертва едва заметно вздрогнула. Альга увидела, как капелька крови сбегает по шее Шилы.

— Скажи мне, где Целитель, и я уйду,— между тем продолжил мужчина.

Девушка ничем не показала своего удивления странности вопроса и лихорадочно соображала, как потянуть время, одновременно перебирая в голове сотни вариантов

плетений, чтобы найти единственно верное, способное помочь Шиле убить мерзкую тварь и спасти им жизни.

— Не понимаю, о чем ты. Отпусти ее!

— Целитель, милочка.— У него был легкий сдисский акцент. Мягкий и почти незаметный для нечуткого уха.— Скажи, где прячется твой друг. Так будет лучше для вас обеих.

Он сжал когти сильнее, и на этот раз пленница не смогла сдержать стоны боли.

— Ты придурок! Целитель в Альсгаре! — прошипела она.— Здесь его нет.

— Я разговариваю не с тобой, девка.— Он встряхнул Шилу, словно волкодав кошку.— В последний раз спрашиваю по-хорошему: где Целитель?

И в это мгновение Альга нашла решение! Именно с помощью его она десять дней назад смогла выиграть схватку с колдуньей в своем Бездна знает каком по счету сне! И девушка стала быстро сплести нужный узор, одновременно говоря:

— Отпусти ее. И я уйду с тобой. Мы поговорим.

— Ты мне не нужна.

Узелок. Еще узелок. Пьяный северный лист, перечеркнуть восходящей росой, связать с началом, замкнуть круг, добавить два отвода для лишнего жара, чтобы тот не разрушил плетение раньше времени. То, что прежде занимало у нее несколько минок, теперь, после тренировок в кошмарах, получалось едва ли не в два удара сердца.

— Хорошо. Я скажу.— Она немного отступила назад, так как незнакомец начал медленно приближаться, толкая впереди себя Ходящую.— Но ты не боишься, что я совру?

Бездна! Бездна! Бездна! Она может создать плетение, но не в состоянии насытить его должным жаром! Ее «искра» пока еще слишком слаба и неразвита для того, чтобы быть настолько мощной. Что же делать?! Мелот! Что же делать?!

— Я пойму, если ты лжешь.

Риск был огромен, создавать что-то иное бесполезно — оно бы не пробило щит или убило пленницу. И, уже зная, что ничего не получится, девушка все-таки взялась за это безнадежное дело.

— Мое терпение вышло!

Шила захрипела, начала закатывать глаза, и Альга внезапно ощутила, как в нее вливается поток, показавшийся в тот момент просто грандиозным. «Искра» вспыхнула, как никогда раньше, тело затопило жаром. Она увидела, как расширяются холодные глаза врага, и, злорадствуя в душе, ударила, тут же закричав от страшной боли в руках.

С силой отшвырнув пленницу, убийца прыгнул в другую сторону в тот момент, когда поток рубиновой пыли проломил его щит. Мужчина расплылся, превратился в нечто черное, хищное, страшное, в следующее мгновение замерцал... и растворился в воздухе.

По комнате прокатилась волна горячего воздуха, и Альга, несмотря на градом катящиеся слезы, скорректировала направление и ударила вновь. Она услышала у себя над ухом оглушительный вопль, на стену брызнула кровь, раненый противник стал видимым, прыгнул в коридор, едва не сбив человека, стоявшего в дверях, и исчез.

— Ты жива?! — Райл склонился над плачущей от боли девушкой. — Мелот! Что с твоими руками?!

— Шила... Посмотри...

— Держись! — сказал он и устремился к лежащей без движения Ходящей.

Рубиновый песок медленно оседал на пол и мебель. Альга, пошатываясь, подошла к двери и, захлопнув ее, закрыла на засов, но не почувствовала себя в большей безопасности. Ее ногти посинели и уже начали слезать, на пальцах появились волдыри от ожогов. Каждое движение причиняло боль.

— Она жива! — крикнул Райл. — Кровь пустяки. Царапины!

— Что это было?! — Альга уже сидела на коленях перед потерявшей сознание Шилой.

— О каком Целителе шла речь? — в свою очередь спросил Огонек.

— Не знаю. Спасибо, что отдал жар своей «искры». Без тебя бы я не справилась.

Он улыбнулся:

— Ты просто молодец! Я ничего подобного не видел. — Молодой человек, подняв с пола, поднес к глазам рубино-

вую песчинку.— Эта штука нападает только на тех, кто сотрудничает с Бездной? Кто тебя этому научил?

Девушка лишь покачала головой.

Не время сейчас что-то объяснять. Они по-прежнему в опасности.

А еще юная Ходящая думала, почему спутник гонца не напал на нее по дороге, когда у него была такая возможность, а рискнул влезть в Клык Грома, где несравнимо опаснее.

ГЛАВА 3

Проклятое тело преподнесло Тиф очередной «сюрприз» и решило испытать новую хозяйку болезнью.

Последний раз Дочь Ночи хворала Бездна знает сколько веков назад и уже успела напрочь забыть отвратительные ощущения. Она чувствовала себя старой развалиной, по костям которой галопом проскакал кавалерийский полк. Убийца Сориты непрерывно кашляла и чихала, но это было мелочью по сравнению со страшной ломотой в висках и бесконечным ознобом. Ей хотелось забиться в какую-нибудь нору и умереть там, в покое, тепле и уюте.

Вместо этого приходилось трястись в седле, терпеть порывы ледяного ветра, прятать лицо от ледяных снежинок, делающих кожу на щеках бесчувственной, и проклинать недружелюбные горы, которые вызывали у нее отвращение, с каждым днем все больше и больше превращающееся в ненависть.

Проклятая ползла по долинам и перевалам, жалея себя и едва не плача. Скачущая на Урагане хлюпала носом, надсадно кашляла и продолжала страдать, злясь на ничемную оболочку, неспособную выдержать жалкую болезнь. Она не желала просить помощи у мальчишки-Целителя и лечилась самостоятельно горькой дрянью, выпрошенной у жреца.

Уставшая, раздражительная и резкая в общении Тиа мечтала, чтобы ее оставили в покое. Замотавшись в гору теплых тряпок, она едва держалась в седле, то и дело проваливаясь в тяжелую полудрему.

Ночью Убийца Сориты придвигалась поближе к огню и старалась, чтобы никто не видел, как ее колотит. От сильного озноба к утру мышцы болели так, что ей вновь страшно хотелось плакать, а еще лучше — умереть. Но ни за что не влезать на лошадь и не мучиться следующие нары в бесконечной, утомительной дороге.

Поэтому когда отряд остановился на два дня перед началом серьезного подъема — людям было необходимо время, чтобы привыкнуть к высоте, — Тиф вздохнула с облегчением. Эта передышка дала ей возможность отлежаться и почувствовать себя лучше. Температура спала, горло перестало обжигать болью, вернулся аппетит. Она вновь начала здраво мыслить и могла держать себя в руках, не рыча, словно запертая в клетку львица, на каждую обращенную к ней невинную фразу.

После того как Нэсс убил Рована, отряд без остановок скакал по Лестнице целые сутки. Предупрежденные об опасности разведчиками йе-арре, они успели свернуть в смежный туннель и избежали встречи с большой группой набаторцев, спешивших на юг. Никто их не заметил.

Но творение Кавалара перестало быть безопасным — впереди три дороги сливались в одну и превращались в серпантин ступеней, ведущих к крепости. Продолжить путь по Лестнице незамеченными стало невозможно. Поэтому, миновав центральный хребет, отряд сошел с удобного тракта в одно из узких неприметных ущелий и начал очередной подъем.

Лестница Висельника осталась позади.

Стоило отряду оказаться в диком ущелье, и дорога сразу ухудшилась. Сузилась, превратилась в то и дело обрывающуюся ниточку. Снега было столько, что Роне приходилось расчищать его с помощью «искры». Лошади продвигались вперед с черепашьей скоростью, и в день отряд проходил совсем небольшие расстояния.

За хребтами — горбатыми, острыми, снежными, увитыми венками облаков и закованными в броню льда — начиналось высокогорное плато. Бесконечное, с ребрами каменистых холмов, оно было похоже на крышу мира, где живут самые свирепые ветра. Казалось, еще чуть-чуть — и они оторвут людей от земли, чтобы унести за сотни лиг.

Ледяные порывы стегали путников, словно кнуты палачей, сбивали с ног, и животные, которым тоже приходилось тяжело, отказывались идти. Их морды обматывали тряпками, а затем вели лошадей за собой в поводу.

Тиф, выросшая на юге и обожавшая тепло, словно попала в страшный сон. Другую реальность. Царство мороза, разреженного воздуха, летящих в лицо острых ледяных кристаллов, снега — иногда достигающего пояса, скользкого льда, ненадежных камней и вечных облаков, несущихся с огромной скоростью и падающих на плато, словно паук на муху. Временами из-за них приходилось продвигаться в непроглядной промозглой дымке, и Убийца Сориты едва могла различить лошадь, ведомую впереди идущим воином.

Ночевали, где придется. Отряд выживал лишь благодаря плетениям, дававшим тепло на стоянках.

Тиа часто вспоминала смерть Рована, и это грело ее куда сильнее, чем «искра». В такие минки Проклятая даже радовалась, что оказалась в столь забытых богами местах.

Звезда Хары! Она бы согласилась пройти этот путь снова, даже босой, лишь бы Могильный Червяк умер еще раз!

Замечательная удача, что он оставил Альсгару и направился к Лею. Жаль, что гийяну не встретила еще и Митифа. Вот уж кого следовало отправить вдогонку за Чахоткой. Впрочем, Дочь Ночи тут же себя одергивала. Нечего гневить Бездну. Следует довольствоваться уже тем, что есть, благо этого немало. Черед Серой мышки настанет чуть позже.

Единственное, о чем жалела Тиф,— это о пропавшем потенциале брата Ретара. Его «искра» оказалась погашена мгновенно, и «всплеска» не произошло. Проклятая не смогла собрать силу.

Стрела прикончила скорпиона так, что тот не успел кусить, но вместе с тем не дала Тиа возможности набраться мощи, которая сейчас не была бы лишней. «Искра» Проклятой уже не находилась в столь плачевном состоянии, как раньше, но еще не могла тягаться ни с чьей из уцелевших бывших сообщников.

Тальки ошиблась. Старая ворона без устали каркала, что чем сильнее Дочь Ночи будет сливаться с новым те-

лом, тем слабее будет ее Дар. Но такого, к счастью для Тиф, не произошло. Наоборот, все стало гораздо лучше, чем в самом начале.

Тиа страшилась участи Гиноры — гибели после того, как погаснет «искра». Или того хуже — жалкого существования до тех пор, пока тело не умрет. Или что исчезнет Дар, и дурак Порк, которого она не сможет контролировать, получит главную роль.

Всю жизнь находиться рядом с полубезумной свиньей! Что может быть отвратительнее?!

О последнем варианте она старалась не думать. Сейчас ее серьезно беспокоило другое — стрелы Серого. Она считала, что наконецник существует в единственном экземпляре и теперь находится в руках Аленари. Но Нэсс смог ее удивить и, словно ярмарочный фокусник, достающий из рукава белого голубя, вытащил из колчана еще одну настоящую смерть.

Дочь Ночи сильно интересовало, сколько артефактов спрятано у убийцы в кармане. На них у нее были серьезные планы.

Смерть Проклятого потрясла отряд. Для людей такие, как она, являлись чем-то вроде сказочных чудовищ — вселенским злом, которое невозможно победить. И тут воины собственными глазами увидели, как обычный лучник без всякого видимого труда отправляет в Бездну того, кто был равен богам.

Рован, к всеобщему изумлению, оказался смертен.

Кто бы мог подумать? Трижды ха-ха.

Тогда, столпившись у тела, все потрясенно молчали. Нэсс, отойдя в сторону, сел на заснеженные камни и придиричиво изучал лук, словно сейчас тот был самой важной вещью в мире.

Когда люди наконец поверили в произошедшее, они разразились воплями радости. Кто-то смеялся, кто-то плакал от счастья. Один воин, не удержавшись и дуряя от собственной храбрости, пнул убитого. Рыцарь Лартун завладел его мечом и с интересом изучал черный волнистый клинок.

По мнению Тиф, они походили на шайку гиен, понявших, что грозный лев умер.

Затем ей пришлось вытерпеть самое неприятное. Все подряд сочли себя обязанными шарахнуть ее по плечу или по спине и заявить, какой она «мужик». Нэссу досталось не меньше, и он тяготился этим так же, как Проклятая. Гийян в мгновение ока стал героем. Впрочем, и Кальн не остался обделен вниманием и похвалами.

Живр много раз восторженно заявлял всем и каждому, что будет рассказывать об этом наре внукам...

За последующие дни история успела обрасти легендами. Каждый второй в отряде «видел» сияние небес, а говорливый Лук, кажется, «слышал» хрип умирающего Чахотки. Живр — мерзкий, воняющий козлом мужлан — по сотому разу рассказывал, что первым почувствовал дым.

Проклятой было интересно, как поведут себя ее «братишка» и обе «сестрички», когда узнают о столь существенной потере. Этот год стал очень неудачным. Из Шести осталось лишь четверо.

Дочь Ночи понимала, что у Империи появляется все больше и больше шансов выстоять в этой войне или хотя бы затянуть ее на неопределенный срок. Хотя, если быть честной с самой собой, она не верила, что даже теперь Ходящие сумеют противостоять Митифе, Аленари и Лею, объединившим силы.

Впрочем, Тиф интересовало совсем другое. Она была рада, что Шен начал учить дуреху Рону. Теперь в Ходящей жили светлая и темная «искры» и, следовательно, ее тело сделалось способно выдержать дух Тиа. «Правда, Целителю совершенно ни к чему догадываться, будто я рассчитываю на это», — частенько повторяла про себя Убийца Сориты. Проклятой казалось, что, несмотря на все неудобства, лишения и трудности, ей все равно сопутствует удача.

Она выживет. И вновь возвысится.

Трижды! Четырежды проклятый Целитель! Иногда ей начинало мерещиться, что тот водит ее за нос. Про Лепестки он врал. Это неоспоримо. Она чувствовала запах обмана, видела, как ложь плещется в его бесстыжих голубых глазах. И мирилась с этим, хоть подобное и было непросто. Если мальчишку убьют...

Впрочем, о чем тут можно говорить? Со смертью Шена она лишится куда более важной вещи, чем творение Кавалара,— потеряет свое будущее.

Однако, судя по всему, пока мальчишка и правда не знал, как переселить ее в другую оболочку. Или же скрывал этот факт гораздо более удачно, чем ложь о Лепестках Пути.

Поэтому Тиф продолжала обучать его, иногда заставляя Рону присоединиться к ним. Девчонке следовало тренироваться, чтобы тело окончательно перестало бояться тьмы, иначе оболочка будет плохо подготовлена вместить дух Убийцы Сориты.

Но радостное событие переселения произойдет не скоро. Поэтому ей следовало продолжить возиться с жертвенным ягненком.

Время у Проклятой еще было.

ГЛАВА 4

После того как я убил Рована, все окружающие считали своим долгом уступить мне лучшее место для ночевки и дать побольше жратвы. Даже рыцари теперь слушали, что я говорю. Водер так и вовсе, едва завидев меня, расплылся в счастливой улыбке, словно я подарил ему новенький замок с приличными охотничьими угодами.

Меня это порядком доставало. Быть героем — хуже не придумаешь. Разумеется, я оказал миру услугу. Но вовсе не ради того, чтобы со мной все носились.

Впрочем, на высоте ребята немного поостыли и занялись более насущными делами.

Нам приходилось туго. Еда заканчивалась. От холода спасали только носители «искры». Почти неделю мы ковыляли по плато, и, по-моему, именно так должна была выглядеть Бездна.

Спустившись с высоты перевала, отряд оказался в долинах и теперь медленно продвигался между скованных прозрачным льдом озер. По словам северянина, большая часть пути осталась позади, но шагать в таком темпе до конечной точки нам было еще от трех недель до месяца.

Даже дураку становилось понятно, что добраться до северных предгорий к началу зимы мы никак не успеваем.

— Да какая нам разница?! — услышав мои размышления, заметил Шен на одном из привалов, забирая у меня из рук нож. — Вокруг и так зима. Посмотри, сколько снега.

— Просто ты никогда не был в горах, — сказал Га-нор. — Уже сейчас больше половины троп завалены. До весны пробраться по ним невозможно.

— Зимой снега навалит с вон ту ель, лопни твоя жаба, — включился в разговор Лук, без всякого аппетита грызя холодную, сильно пережаренную полоску мяса. — Если не больше. И лавиной накрыть может. Как ты в ней будешь барахтаться? Нет, зима здесь — это зло. Особенно когда жильё в Бездна знает скольких лигах отсюда.

— До жилья не так далеко, как ты думаешь. — Га-нор, щурясь, посмотрел на вершины. — На Горячей полосе есть несколько хуторов. Но они западнее нашего пути.

— Значит, вновь не видать мне шафа? — опечалился стражник.

— Вряд ли он у них есть. Люди здесь живут дикие. Промышляют охотой и враждуют с чусами. Горцы иногда заходят в эти ущелья.

— Мы не будем сворачивать, — сказал милорд Рандо. — Лишний крюк в пять лиг для нас невозможен. Об остановке в местных поселениях станем думать, если не сможем идти дальше и придется возвращаться.

Неприятность случилась, когда мы миновали последнее из озер, самое маленькое, по форме похожее на баранью голову, и двинулись вдоль скал, обходя стороной неприятную заснеженную рошу.

Над моей головой сухо треснуло, брызнули мелкие камешки, раздался предупреждающий окрик, и через уну огромная ледяная глыба прилетела откуда-то сверху, рухнув на ехавшего впереди Тиома. Потом посыпался снег, на несколько ун скрывший все от глаз, но и так было понятно, что от болтуна и его лошади осталось лишь мокрое место.

А затем я увидел лежащую на земле Тиф. Вокруг ее головы расплывалось красное пятно. Шен с Роной уже были рядом с Проклятой и склонились над неподвижным те-

лом. Жрец стоял за ними, тихо шепча молитву и явно собираясь отпустить Дочери Ночи грехи, чтобы отправить ее торной дорожкой в Счастливы сады, даже не предполагая, насколько она там никому не нужна.

Га-нор крикнул, что возможен еще обвал, и Рандо немедленно приказал всему отряду быстро ехать вперед. До открытой местности, подальше от скал.

К моему удивлению, голова Убийцы Сориты не превратилась в лепешку. Шен с окровавленными руками мелком взглянул на меня и буркнул:

— Капюшон, шапка и повязка смягчили удар.

— Толку-то? Не жилец, — с сожалением сказал Лук. — Башку ему все равно пробило. Вон как льет. Не остановишь теперь, лопни твоя жаба.

— Проваливай, — без всякой злости велел я стражнику. — Может еще что-нибудь упасть.

— А вы? — Он хотел уйти, но, как и Га-нор, не желал оставлять нас.

— Мы справимся без вас, — сказала Рона. — Вы только мешаете.

Это решило дело, и рыжий вместе с приятелем отправились нагонять отряд.

— Отор, тебя это тоже касается, — заметил я, слезая с седла.

Он посмотрел на меня с иронией:

— Я хотел бы остаться. Возможно, Порку нужно покаяние.

— Вот уж что ему точно не нужно, — хмыкнул я.

— Оставь нас. Пожалуйста, — попросила Рона.

Ходящей жрец возражать не стал и, пробормотав, что помолится за умирающего, ретировался.

Над нами слабо замерцал прозрачный купол — сверху все еще сыпалось мелкое крошево, и Рона попыталась обезопасить нас. Я покосился на огромную глыбу, из-под которой торчали задние ноги раздавленной лошади. Будем надеяться, если на нас рухнет нечто подобное, щит Ходящей выдержит.

Шен возился с раненой. Движения у него были уверенными, но на лице появилось сомнение. Рона молчала, прижимая к ране Тиф рваный кусок ткани. Недалеко от Убийцы Сориты лежал камень величиной с три кулака,

который и дал ей по башке. Мне оставалось лишь удивляться, что она все еще дышит.

— Столь нелепая случайность, жалкий булыжник отправит Проклятую в могилу? — недоверчиво произнес я.

— Видимо, да, — пробормотал Шен. — Костные осколки проникли в мозг. Все очень плохо. Она протянет лишь около нара, даже если я полностью остановлю кровотечение.

— Провидение наконец-то решило наказать ее за грехи, — сказала Рона.

Эти слова прозвучали без мстительного удовлетворения, но, впрочем, сожаления в них тоже не чувствовалось.

— Вы, ребята, как понимаю, не собираетесь ей особо помогать? — Я покрутил пальцем в воздухе и уточнил персонально для Шена: — Дар Целителя и все такое.

— А ты бы хотел этого? Хотел, чтобы она жила? — без вызова и очень устало спросил он.

Рона, между пальцами которой все еще сочилась кровь, внимательно посмотрела на меня.

— Не слишком, — признался я. — Положа руку на сердце, ей самое место в Бездне. Так что я полностью разделяю ваше мнение в этом вопросе.

— Но?.. — тихо продолжила Ходящая.

— Но вы, как и я, должны понимать, что она нужна нам всем. Вам еще учиться и учиться. Проклятая — единственная из ныне живущих, кто сможет дать вам знание. А это бесценно. К тому же у меня есть и личный интерес — она поможет мне справиться с теми, кто замешан в смерти Лаэн.

Шен мрачно кивнул, признавая правоту моих слов, но по-прежнему колебался. Тогда я привел еще один весомый аргумент:

— К тому же когда тело умрет, неизвестно, что станет с ее духом. Вы двое — отличное вместилище для такой, как она. Что, если Убийца Сориты перепрыгнет в Рону?

— Ерунда. Чтобы переместиться, нужно определенное плетение. Я его не знаю. У нее нет никаких шансов.

— Надо принимать решение, Шен, — тихо сказала Рона. — Ее время на исходе.

— Знаю, — буркнул тот, и вокруг его рук вспыхнуло солнечное сияние. — Знаю. Когда я пожалею об этом,

Нэсс, напомни мне, что я просто не хотел, чтобы у меня на руках умирал человек. Даже такой отвратительный, как она.

— Ты все сделал правильно, — сказал я ему вечером.

— Возможно, — неохотно отозвался он. — И я очень надеюсь, нам не придется расплачиваться за то, что оставили ее в живых.

— Время покажет, малыш.

— Может, хватит меня называть малышом?! — окрысился Шен. — Это уже порядком достало!

Я внимательно посмотрел на него, хлопнул по плечу и усмехнулся:

— Рад, что ты вырос.

Он недоверчиво кивнул:

— Ну-ну. В смысле — хорошо. Кстати, давно хотел сказать... — Целитель прочистил горло. — Я горд, что знаю человека, избавившего мир от Чахотки.

— Оставь! — отмахнулся я, сбрасывая с головы капюшон и подставляя лицо морозному ветру. — Давай хотя бы ты не будешь делать из гийяна героя.

— Не каждый осмелится так рискнуть.

— Да не было особого риска. — Я пожал плечами.

— Вот. Держи. — На его облаченной в перчатку руке лежал белый наконечник. — Предпоследний. Вдруг ты еще кого-нибудь из них встретишь.

Я с улыбкой забрал предложенное:

— Не думаю, что мне повезет дважды. Но нашей хорошей знакомой не помешает дополнительный намордник. Как она?

— Без сознания. Кости встали на место, внутренних повреждений, кажется, не осталось, но крови она потеряла достаточно.

— Выживет?

Он хмыкнул:

— Она цепляется за жизнь крепче, чем кошка. Будет в порядке через несколько дней. Главное, чтобы у нее в голове чего-нибудь не шелкнуло. Хуже Проклятой может быть только сумасшедшая Проклятая.

— Если она будет бегать, хохотать и швыряться огненными шариками — я ее пристрелю, — серьезно сказал я.

Он так же серьезно кивнул и ушел к Роне.